

на правах рукописи

ХАЛИУЛЛИНА Альфия Рафкатовна

**ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО ПИСЬМЕННОГО
ПАМЯТНИКА XIV В. «КЫСАС АЛ-АНБИЯ»
НАСРЕДДИНА РАБГУЗИ**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

Автореферат
диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Казань – 2002

Работа выполнена на кафедре татарского языка Казанского государственного университета.

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Нуриева Ф.Ш.

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор Ф.Ю.Юсупов

- кандидат филологических наук, старший научный сотрудник института языка, литературы и искусства АН РФ Кадилова Э.Х.

Ведущая организация – Казанский государственный педагогический университет

Защита состоится 25 апреля 2002 года в 14 часов на заседании диссертационного Совета Д 212.081.12 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «   » МАРТА 2002 года

Ученый секретарь
диссертационного Совета,
доктор филологических наук

Гарифуллин В.З.

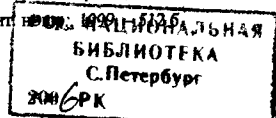
В течение последнего столетия в отечественной науке постепенно накапливался положительный опыт культурно-исторического подхода к явлениям средневековой культуры. Работы Ф.Корша, В.В.Бартольда, А.С.Самойловича, Е.Э.Бертеля, В.М.Жирмунского, Н.И.Конрада, Э.Н.Наджиба, Э.Р.Тенишева, Х.Г.Короглы и др. способствовали созданию надежной теоретической основы для исследования средневековых тюркских литературных памятников. Труды татарских ученых-языковедов Л.Заляя, В.Х.Хакова, М.З.Закиева, М.Г.Усманова, Ф.С.Фасеева, Ф.М.Хисамовой, Ф.С.Хакимзянова, Ф.Ю.Юсупова, Х.Р.Курбатова, Д.Г.Тумашевой; И.Б.Башировой¹, литературоведов и историков Г.Т.Тагирджанова, Р.К.Ганиевой, Х.Ю.Миннегулова, М.И.Ахметзянова, М.Бакирова, Г.М.Давлетшина помогают раскрыть целостную картину формирования и развития татарского литературного языка².

Татарская литература богата старописьменными памятниками, большую часть которых составляют поэтические тексты³. Однако не все памятники татарской средневековой литературы стали предметом всестороннего научного анализа, что связано с религиозной направленностью средневековой татарской литературы, с одной стороны, и с господствовавшей в стране в середине XX века идеологией, – с другой. Серьезную трудность представляло также то обстоятельство, что все эти памятники написаны на

¹ Жәләл Л Татар теленен тарихи фонетикасы буенча материалар. – Казан Татар. кит нәшр., 1954 – 108 б., Хаков В.Х Татар милли әдәби теленен барлыкка килүе һәм үсеше – Казан Казан ун-ты нәшр, 1972 – 224 б.; Закиев М З Татары: проблемы истории и языка – Казань, 1995 – 464 с.; Усманов М А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. – Казань: Изд-во Казан ун-та, 1972. – 75 с., его же Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. – Казань: Изд-во Казан ун-та, 1979. – 318 с.; Фасеев Ф С Старотатарская деловая письменность XVIII в. – Казань, 1982 – 171 с.; Хисамова Ф М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI – XVII вв. – Казань: Изд-во Казан ун-та, 1996 – 154 с.; еф же: XVIII йөздөгә татарча эш көгәзмәләренен тел үзгәртүләре – Казан Казан ун-ты нәшр, 1981 – 162 б., Хакимзянов Ф С Язык эпитафий волжских булгар. – М: Наука, 1978 – 206 с.; Юсупов Ф Ю Изучение татарского глагола – Казань Татарское кн изд-во, 1986 – 287 с.; Курбатов Х Р Отличительные черты и системы согласных в морфологии узбекского и татарского литературных языков // Формирование татарского литературного языка – Казань, 1992. – С 20 – 25, Тумашева Д Г Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. – М. Наука, 1989 – С 5 – 18, Баширова И.Б Татар әдәби теле тарихы: 19йәз ахыры – 20 йөз башы. – Казан, 1999. – 577 с

² Тагирджанов Г Т Тарихтан-әдәбиятка – Казан, 1979; Ахметзянов М И О лексике эпитафий XVII – XVIII вв // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников – Казань, 1983 – С 75 – 84, Ганиева Р.К. Восточный ренессанс и поэт Кул Гали. – Казань Изд-во Казан ун-та, 1988. – С 170; Миннегулов Х Ю Татарская литература и восточная классика – Казань Изд-во Казан ун-та, 1993 – 384 с., Деулетшин Г Төрки-татар рухи мәдәниятне тарихы – Казан: Татар. кит нәшр., 1993

³ Борингы татар әдәбияты – Казан. Татар. кит. нәшр., 1963 – 525 б.

арабской графике, а сохранившиеся рукописи произведений ветхие или фрагментарные. Лишь с начала 80-х годов XX века в процессе исследования истории литературного языка начинают появляться работы, посвященные изучению языка отдельных художественных произведений предыдущих эпох. Это работы Я.С.Ахметгалеевой, З.А.Хисамиевой, А.Х.Маннаповой, А.Х.Алеевой, Р.З.Мухамметрахимовой, Г.Б.Шаммаровой, Ф.Ш.Нуриевой, Г.А.Исламовой, Х.Х.Кузьминой, Э.Х.Кадировой и др.¹

Актуальность темы. За последние годы сделан серьезный шаг в изучении письменного наследия татарского народа, но вместе с тем ждут своего часа письменные памятники, имеющие большую культурно-историческую значимость и представляющие высокую художественную ценность. К их числу можно отнести и созданный в 1310 году на территории Северного Хорезма «Кысас ал-анбия» Н.Рабузу.

Начиная с середины прошлого века вплоть до наших дней, это произведение привлекало к себе внимание крупных тюркологов, таких как П.М.Мелиоранский, А.Н.Самойлович, С.Е.Малов, Н.И.Ильминский². В контексте изучения истории тюркских языков в более позднее время конкретно к этому памятнику обращались тюркологи А.М.Щербак, Э.Р.Тенишев, А.Н.Баскаков, Н.М.Насилов³ и другие, которые высказывали различные мнения о языковой принадлежности «Кысас ал-анбия». К

¹ Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». - М.: Наука, 1979. - 191 с.; Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр-Гали Бека: Дисс... канд. филол. наук. - Казань, 1989. - 231 с.; Маннапова А.Х. Язык татарской деловой письменности XVII в. (Истоки и традиции): Дисс... канд. филол. наук. - Казань, 1982. - 184 с.; Алеева А.Х. Исследования языка путевых записок XVIII в. «Исматил ага сәхәтнамәсе»: Дисс... канд. филол. наук. - Казань, 1990. - 132 с.; Шаммарова Г.Б. Язык дастанов А.Уразаева - Курмаши «Кысса-и Буз джигит»: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Казань, 1991. - 24 с.; Нуриева Ф.Ш. Исследование языка памятника XIV в. «Нахдж ал-Фарadis»: Дис...канд. филол. наук. - Казань, 1993. - 21с.; Исламова А.И. Исследование языка тюрко-татарского памятника XIV в. «Дастан -и Джумджума Султан» Х. Кягйба: Автореф. дис...канд. филолог. наук. - Казань, 1998. - 18 с.; Кузьмина Х.К. Лексико-семантические и стилистические особенности поэмы XIII в. «Кысса и Йусуф» Кул Гали: Автореф. дис...канд. филолог. наук. - Казань, 1998. - 20 с.

² Мелиоранский П.М. Сказание о пророке Салихе // Сборник статей учеников проф. В.Розена. - С.-Пб., 1897. - С.281 - 308; Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // М-Али Шир. -Л.,1928. - С. 3 - 25; Малов С.Е. Мусульманские сказания о пророках по Рабузу // Записки Коллегии Востоковедов. - Т.1.V, (в честь ак.Крячковского) - Л., 1930. - С. 521 - 530; Ильминский И.Н. Вступительные чтения в курс «Турецко-татарский язык» // Ученые записки Имп. Каз. Ун-та, 1861. - С. 30 - 31.

³ Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X - XIII веков из восточного Туркестана. - М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1961. - 204 с.; Баскаков Н.А. Тюркские языки. - М.: Наука, 1960. - 170 с.; его же: Введение в изучение тюркских языков. - М.: Высшая школа, 1962. - 332 с.; Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. - М.: Изд-во вост. лит., 1963. - 122 с.; Тенишев Э. О языке поэмы Кул Гали «Кысас Юсуф» // Turcologica. - Л., 1986. - С. 270.

произведению Рабгузи обращались и татарские ученые, такие как Г.Газиз и Г.Рахим, С.Вахиди¹.

Начиная с 60-х годов XX века в процессе исследования языка памятника «Кысас ал-анбия» как в языковедческом, так и в литературоведческом плане, активно включились среднеазиатские ученые². В трудах этих ученых язык памятника исследуется в отношении к среднеазиатским тюркским языкам. Но целостное и системное изучение языка памятника «Кысас ал-анбия», созданного на территории Северного Хорезма в момент его присоединения к Золотой Орде, остается актуальным и значимым и для истории татарского литературного языка, ибо этот период считается переходным по классификации истории тюркских литературных языков и Золотая Орда уже превратилась в новый культурный центр тюркских народов³.

Целью данной диссертационной работы является системное изучение графо-фонетических и морфологических особенностей произведения Рабгузи «Кысас ал-анбия». Данная цель достигалась решением следующих задач:

- изучение культурно-исторической и языковой ситуации, сложившейся к началу XIV в. на территории Золотой Орды (в частности, Северного Хорезма);
- освещение истории изучения памятника;
- выявление и описание рукописных списков памятника, находящихся в различных книгохранилищах Татарстана, до настоящего времени не введенных в научный оборот;
- сравнительный анализ графо-фонетики четырёх списков произведения;

¹ Газиз Г., Рахим Г. Татар әдәбияты тарихы. – Казан, 1922 – Б 78 – 92

² Фазылов Э.И. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV в. – Ташкент: Фан, 1966 – Т 1; Шукуров Ш. История развития глагольных форм узбекского языка (настоящее и будущее времена) – Ташкент: Фан, 1966 – 138 с.; Мухамедова З.Б. Исследование по истории туркменского языка XI – XIV вв. – М: Наука, 1969 – С 3; Мирзакаримова У. Морфологические особенности «Кысасы Рабгузи» Автореф. дис. канд. филолог. наук – Ташкент, 1969 – 25 с.; Хайдаров С. Роль Дурбека в развитии узбекской светской литературы. Автореф. дис. канд. фил. наук – Ташкент, 1962 – С 6; Джолдасбеков М. Древнетюркские литературные памятники и их отношение к казахской литературе. Автореф. дис. доктора фил. наук – Алма-Ата, 1969 – С 8; Краубаева А. Идеино-художественные особенности «Кысас Рабгузи» и «Мухаббат нама». Автореф. дис. канд. фил. наук – Алма-Ата, 1974 – 27 с.; Останкулов И. Кысас ар-Рабгузий – адабий асар. Филол. фөн. канд. дис. автореф. Ташкент, 1993 – 24 б.

³ Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турского языка // М.Али Шир. –Л., 1928. – С. 3 - 25.

- сравнительный анализ морфологических особенностей лондонского списка (в дальнейшем - списка А) и печатного издания И.Ильминского (в дальнейшем - списка Б);

- инвентаризационная типология сравниваемых списков;

- сравнение данных исследования с языковыми явлениями, характерными для памятников тюркской письменности средневековья.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в татарском языкознании язык памятника подвергнут системному изучению в графо-фонетическом и морфологическом плане в отношении к татарскому языку. В научном мире известно 35 рукописных списков «Кысас ал-анбия» Рабгузи. Эти списки описаны и изучены тюркологами различных стран. Казанские же списки памятника до последнего времени не были объектом специальных исследований и не изучались тюркологами. Известно, что в казанских книгохранилищах находится 19 рукописных списков (в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.Лобачевского при КГУ, в архивных фондах Института языка, литературы и искусства, в Национальной библиотеке им. В.И.Ленина, в Национальном музее РТ) и 20 печатных изданий памятника, вышедших в свет, начиная с 1859 по 1911 год. В ходе проведенных исследований на основе сопоставления рукописных списков и печатных изданий было выявлено, что рукописные списки сохранили архаичные элементы, а в печатные издания проникли инновации, которые не отмечены в списках

Подробный анализ традиций письма, графо-фонетических и морфологических особенностей памятника подтверждает мнение ученых, что язык «Кысас ал-анбия» является одним из вариантов старотатарского литературного языка, сохранивший в большей степени хорезмско-тюркскую основу, граничащую с более древним караханидско-уйгурским языком.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что подвергнут системному и подробному исследованию язык одного из интереснейших памятников, отражающих начальный этап истории татарского литературного языка.

Практическая значимость состоит в том, что полученные при анализе языка памятника общие выводы и обширный фактический материал могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории литературного языка и, в особенности, исторической грамматики татарского языка. Результаты исследования могут быть использованы в вузах на лекционных курсах и практических занятиях по истории татарского литературного языка.

Методологическая и методическая основа исследования. Для нашего исследования основными методологическими источниками служат научно-теоретические труды отечественных и зарубежных ученых, таких как А.Н.Самойлович, Ф.Корш, С.Е.Малов, Я.Экман, Ф.Кюпрюлюзаде, А.Зайончковский, А.К.Боровков, А.Н.Кононов, Э.Н.Наджип, Э.Р.Тенишев, В.М.Насилов, А.М.Щербак, Н.А.Баскаков, Э.И.Фазылов, Г.Ф.Благова, Э.А.Грунина, а так же татарских ученых Л.Заляя, М.З.Закиева, В.Х.Хакова, Ф.М.Хисамовой, Ф.С.Хакимзянова, Г.Г.Зайнуллина, И.Б.Башировой и др.

В работе используется сравнительно-исторический, описательный, статистический (в частности, по морфологии) методы. В процессе текстологической обработки рукописей был применен сравнительно-сопоставительный метод.

Источники исследования. Оригинал произведения не сохранился, поэтому говорить о графо-фонетических особенностях языка «Кысас ал-анбия» возможно лишь на основе сравнения нескольких наиболее ранних списков произведения. Самым древним считается список 1489 года, хранящийся в Британском музее в Лондоне и известный в тюркологии как лондонский список. Русским тюркологом П.М.Мелиоранским в 1893 году с этого лондонского списка были переписаны отрывки¹, которые стали широко привлекаться в тюркологических исследованиях. В нашей работе были использованы два казанских наиболее ранних рукописных списка за №447т и №4813т² и самое репрезентативное печатное издание «Кысас ал-анбия» Рабгузи под редакцией Н.И.Ильминского³.

¹ Мелиоранский П. М. Сказание о пророке Салихе // Сборник статей учеников проф. В. Розена – С. - Пб., 1897. – С. 281 - 308.

² Хранятся в восточном отделе рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н. Лобачевского

³ Хранится за №т67375 в научной библиотеке им. Н. Лобачевского

В работе каждый список наделен условными обозначениями в виде прописной буквы: 1) лондонский список – список А; 2) печатное издание И.Ильминского – список Б; 3) рукописный список №4183т – список В; 4) рукописный список №447т – список Г.

Апробация работы. Результаты исследований докладывались на ежегодных итоговых научных конференциях КГУ (1999, 2000, 2001) и ТГТИ (1999, 2000, 2001). По материалам исследования опубликовано 9 статей (список – в конце автореферата).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность проблемы, определяются цель, круг задач, метод исследования, научная новизна.

В первой главе прослеживается процесс формирования языковой ситуации к началу XIV века, раскрывается содержание произведения, приводятся биографические данные автора, место и дата написания памятника, описывается история его изучения и дается лингвистическая классификация языка и характеристика рукописей памятника.

Большинство ученых согласны в том, что памятник «Кысас ал-анбия» Насреддина Рабгузи написан в 1310-1311 годах в северной части Хорезма. Из введения, предпосланного к «Сказаниям» самим автором, узнаем, что он был верховным судьей селения Рабати Огуз Хорезма, Рабгузи – его псевдоним. Данные о жизненном и творческом пути Рабгузи не сохранились. Это эпическое произведение объемом 555 страниц, имеющее религиозно-дидактический характер, является одним из первых прозаических произведений. Посвященный описанию жития пророков, он рассказывает о нравах и деяниях людей того времени. Во введении автор сообщает, что книга написана им по заказу бека Насреддина Ток Буга, монгола, принявшего ислам. Далее объясняется характер задачи, которую Ток Буга поставил перед автором – написать книгу, в которой были бы собраны все известные и рассеянные по разным источникам рассказы о пророках, и которая превзошла бы все известные до того времени книги, своей увлекательностью и доступностью для широкого круга читателей.

Помимо известного религиозного материала, автор активно вводит в «Сказания» собственные рассказы и притчи. В результате получилась не только книга о пророках, а произведение, отчасти носящее светский характер и имеющее жизненно важный дидактический смысл.

Этот памятник стал известен в научном мире благодаря казанскому учёному миссионеру Н.И.Ильминскому, который включил «Кысас ал-анбия» в свой обзорный труд «Вступительные чтения в курс «Турецко-татарский язык»¹. И.Ильминский подчёркивает близость языка памятника «Кысаи Рабгузи» к языку «Кутадгу билик». К такому же мнению приходит В.Розен, определивший язык произведения Рабгузи как «ключ» к языку поэмы Ю. Баласагуни «Кутадгу билик»². Текст «Кысас ал-анбия» использовался и при составлении различных словарей³. П.М.Мелиоранский, основываясь на материалах изучения лондонского списка и печатного издания И.Ильминского, высказывает мысль о необходимости полного критического текста, основанного на лондонском списке⁴.

Исследования языка «Кысас ал-анбия» Рабгузи произведены по трем направлениям: 1) по лингвистическому признаку (А.Н.Самойлович, Н.И.Ильминский, А.М.Щербак, Э.Фазылов, Э.Наджиб)⁵; 2) по территориально-государственному и лингвистическому признаку (С.Е. Малов, С. Вахиди, Э. Р. Тенишев, А. Н. Баскаков, Н. М. Насилов)⁶; 3) по признаку

¹ Ильминский И.Н. Вступительные чтения в курс «Турецко-татарский язык» // Ученые записки Импер. Каз. Ун-та. – Казань, 1861 – С. 30.

² Розен В. Записки Восточного Отделения Импер. Русск. Арх. Общ-ва – 1897, Т. III. – С. 288.

³ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – С.-Пб., в 4-х т., 1893 – 1911, Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий – С.-Пб., в 2-х т., 1869 – 1871.

⁴ Мелиоранский П.М. Сказание о пророке Салихе // Сборник статей учеников проф. В.Розена – С.-Пб., 1897. – С. 281.

⁵ Ильминский И.Н. Вступительные чтения в курс «Турецко-татарский язык» // Ученые записки Импер. Каз. Ун-та, 1861. – С. 30; Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // М.-Али Шир –Л, 1928 – С. 3 – 25, Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X – XIII веков из восточного Туркестана. – М. - Л. Изд-во АН СССР, 1961. – 204 с., Фазылов Э.И. Староузбекский язык Хорезмские памятники XIV в. - Ташкент Фан, 1966 – Т. 1, Наджиб Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1965. – 94 с.

⁶ Малов С.Е. Мусульманские сказания о пророках по Рабгузи // Записки Коллегии Востоковедов. – Т. 1 V, (в честь ак Крачковского) – Л., 1930 – С. 521 – 530, Вахиди С.Г. Архив ИЯЛИ КНЦ РАН, фонд С.Вахидова 53ф. – 1 оп. – дела 26-43; Баскаков Н.А. Тюркские языки. - М.: Наука, 1960. - 170 с. Насилов В.М. Древнеуйгурский язык – М. Изд-во вост. лит., 1963. – 122 с.; Тенишев Э.Р. О языке поэмы Кул Гали «Кысая Юсуф» // Turcologica. - Л., 1986 – С. 270.

национальной принадлежности (М.Джолдосбеков, З.Мухамедова, У.Мирзакаримова)¹.

В книгохранилищах Казани имеется 19 рукописных списков «Кысас ал-анбия». В отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.Лобачевского находится 14 списков, в хранилищах ИЯЛИ – 3 списка, в Национальном музее РТ и в Национальной библиотеке им. В.И.Ленина – по одному. Изучение регионов и мест приобретения рукописных списков произведения показало, что все рукописи обнаружены на территории проживания татар. По времени переписки большинство датированных рукописных списков относится к первой половине XIX века, реже – к началу XX века, а по признаку сохранности текста лишь два из них – полные, девять – почти полные, семь – дефектные и фрагментарные.

Описание печатных изданий «Кысас ал-анбия» Рабгузи позволяет утверждать, что первые печатные издания представляют собой полную редакцию произведения. Это можно объяснить стремлением их издателей сохранить оригинальную авторскую версию текста. Из 20 печатных изданий, хранящихся в Научной библиотеке им. Н.Лобачевского, 11 книг изданы с 1859 по 1897 годы и сохранили полную версию текста (их объем 555 стр.) и две книги, изданные с 1891 по 1910 годы, представлены в объеме 510 стр.. Другие печатные издания представляют значительно сокращенную редакцию произведения.

Первыми издателями «Кысас ал-анбия» стали татарский просветитель Р.Амирханов² и русский миссионер Н.И.Ильминский³. Оба издания датируются 1859 годом. Сравнение данных изданий выявило их полную идентичность.

Во второй главе диссертации рассматриваются графо-фонетические особенности языка «Кысас ал-анбия» на основе сравнения четырёх списков.

В исследованных нами списках были обнаружены графо-фонетические особенности, характерные и для уйгурской и для арабской

¹ Джолдасбеков М. Древнетюркские литературные памятники и их отношение к казахской литературе: Автореф. дис. .. доктора филол. наук - Алма-Ата, 1969; Мухамедова З.Б. Исследование по истории туркменского языка XI – XIV вв. - М., 1969 - С. 3; Мирзакаримова У. Морфологические особенности «Кысасы Рабгузи»: Автореф. дис. . канд. филолог. наук. - Ташкент, 1969 – 25 с.

² Книга хранится за №67375 в научной библиотеке им. Н.Лобачевского

³ Книга хранится за №76140 в научной библиотеке им. Н.Лобачевского.

традиций письма: 1) либо гласные в соответствии с уйгурской традицией пишутся полностью : تايىغىل (Бн,62.19)¹ *tabınyıl* «поклоняйтесь»,

كورونئاس (A9.18) *kōrūnās* «невидим»; либо по арабской традиции не находят на письме графического отображения: تنكىز (B21a.21) *teñiz* «море»,

تنكىرىسى (B22 17) *tāñrisi* «его бог»; 2) в уйгурском варианте аффиксы пишутся раздельно: ئاشداقلاغا (A17 15) *taşdaqılara* «тем, кто снаружи»,

غاملاىن (Г26a.4) *gamällärin* «дела свои», چىقىق تالور (B23 19) *çiqtilar* «вышли»,
в арабском - слитно: بارچاسىنى (Бн,71 П) *barçasını* «всем», بولوشدىلار (Г25 7) *boluşdılar* «помогли», ياقۇتدىن (B19.20) *jaqutdın* «из алмаза»

Наблюдается написание плеонастического ا (алиф) в конце вопросительной частицы –ти «ли» *ئىنىندى بىرمى* *ewındä birmi* «у тебя ли в доме», деепричастий: كۆرگۈزۈپ بىرىنىك *körküzü berin* «покажи», собирательных числительных: ايكالوا *ekäü* «вдвоем», местоимения قاىلوا *qajı* «который», что характерно для арабской традиции письма.

Графемы ب (би) и ج (джим) передают наряду со звуками [ğ] и [b], и звуки [č] и [p], графемы پ (пи) и چ (чин) используются очень редко, лишь в выборочных словах, что объясняется неразличением глухих и звонких гласных, что характерно для уйгурской традиции письма. Примечательно, что в Бн, В и Г прослеживается постоянство в употреблении графем ب و پ و ج و چ : قىچان (A11 1, 15 17) ~ قىچان (Бн,70.1, B19.24, Г20a.4) *qaçan* «когда» جىقارغىل (A12 13) ~ چىقارغىل (Бн,62.3, B19.10, Г21a 7) *çiqarıl* «створи», بىت (A7.3, Бн,62.9) ~ پىت (Бн,65.7, Г23.10, B19.20) *but* «идол»

Звук [ŋ] передается только диграфом : اولارنىنىك *olarnıñ* (A9 16, B19 3) *adaqların* «твои ноги», ايندكولارنىنىك (Г25.4) *äzgülüklärniñ* «их доброты»

Сравнение списков «Кысас ал-анбия» с точки зрения их принадлежности к определенной орфографической школе письма, выявило смешение уйгурской и арабской школ письма

Для изучения фонетических особенностей «Кысас ал-анбия» мы последовательно проанализировали системы гласных и согласных фонем.

¹ Здесь и далее заглавная буква обозначает название списка, первое число обозначает страницу, второе число – строку, откуда взят иллюстративный материал из «Кысас ал-анбия»

I. Гласные фонемы в языке «Кысас ал-анбия» графически выражаются четырьмя знаками арабской графики ((алиф), (хай расмия), (waw), (йай) и их комбинациями и передают девять гласных звуков.

1. Употребление ((алиф с маддой) типичное для средневековых тюркских памятников. В абсолютном начале слова передает фонему [a] – широкий нелабиализованный гласный заднего ряда: (اش (A15.1, B_n69 17, B19a 13) aš «еда, угощение», (ارمیش (A8.17, B_n65 19, B23 1) armiš «уставший». Графическое колебание ((алиф с маддой) с ((алиф) при написании одного и того же слова встречается как внутри одного списка (даже в пределах одной страницы), так и между списками: (افاردی (A9.13, B65 11) ~ (افاردی (B19a.26) aqardī «побелел»; (اتالاری (A13.3) ~ (اتالاری (B68.2, Г21.12) atalarī «их отец».

2. ((алиф) передает звуки [a], [ä], а в абсолютном начале заимствованных слов – [i].

2.1. звук [a]: в начале слова: (اسراماقغا (A10.7, B_n69.3, B19a.3, Г19a 3) asramaqqa «на воспитание»; (استيندين (A19.2, B_n67.3, B20 3, Г22 12) astindin «снизу»; в середине и в конце слова: (تاغدا (A6.3, B_n62 16, Г21.4, B18a.24) tağda «на горе», (اراسيندا (A6.1, B_n63.7, B19.3) arasında «между».

2.2. звук [ä]: в начале слова: (اکو (A18.2, B_n64.10, B21a.17, Г18.20) äkü «старик»; в середине и в конце слова: (اديرليگی (A7.6, B_n66.31, B19 21) ädizligi «его длина», (اونامادی (A13.7, B_n103.16, B20.20) ünämädi «не воспринял»; (يیرگا (A17.3, B_n13.14, B18a.9, Г17.3) jergä «на землю»

Во всех списках в основе тюркских слов звуки [a], [ä] графически отображаются: (باشين (A5.7, B_n61.17, B18a.21, Г25.15) bašin «его голову», (تانديلار (A5 11, B_n62.1, Г18a 25) tanidilar «признали»; (اونامادی (A13 7, B_n103 16, B20 20) ünämädi «не воспринял», (کراک (A7.19, B_n65.7, B19 8) keräk «необходимо», (بهائسی (A5.17, B70.20) bähäsi «его цена».

В заимствованных словах сохраняется написание языка оригинала, что говорит о том, что переписчики рукописи были высокообразованными людьми, хорошо знавшими традиции письма и орфографию языка оригинала переписываемого памятника: (عذاب (A16.9, B_n68.19, B22.9, Г20.3) yađab

«страдание», نوبت (A19.17, Б_н61 23, B25.7) nā'ūbāt «возможность, случай».

2.3. звук [i] передается { (алиф) в абсолютном начале заимствованных собственных имен: إبراهيم (A19 11, Б_н73.5, B22.16, Г24а 21) Ibrahīm «Ибрагим», اسرافيل (A9.16, Б_н69.12, B20а.3, Г20 19) Israfil «Исрафил», и нарицательных слов: ايمان (A17.5, Б_н63.4, Г18а.13, B19а 13) iman «вера».

Зафиксированы случаи передачи губного гласного [ú] одной лишь графемой { (алиф): امید (A6 10) ūmid - اميد (Г25 12, 25.21) ūmid «надежда», الكهف (Б_н65.20, B20 5) ūḡūr «пещера»;

3. Употребление ه (хай расмия) в тексте памятника ограничено. Данная графема передает звуки [a] и [ä] и встречается только в ауслауте: а) заимствованных собственных имен и нарицательных слов:

مكة (A10.12, B19 7, Б_н65 7, Г25 7) Mäkkä «Мекка», مقدسه (A6.18) Maqdasä «Мақдаса», معجزه (A5 9, Б_н62.13, B18а 23, Г16а 18) mo'ǧizä «чудо»; فرشته (A8.17) farištä «ангел», سجده (A18 6, Б_н73 17, B20а 17, Г20а.7) saǧdä «поклон»; б) в составе аффиксов направительного падежа: звук [a]: مسلمان ليق غا (A6 6, Б_н70.13, B23 7, Г24а 7) musulmanliqya «в мусульманство»; تيموغه (A17 4, Б_н72.7, B22а 1) tamiḡya «в ад»; звук [ä]: دين غا (A6 11, Б_н62 22, B19 2) diniyä «к вере», تغالى (A17 17, Б_н68.1, B20.3, Г25а.1) Täyaliǧä «Всевышнему», местно-временного падежа: звук [a]:

توفانده (B19.6, Б_н69.3, Г21 4) tufanda «в бурю», звук [ä]: بيرده (Б_н103.17) jerdä «в земле»; в) на конце наречий и послеслогов اونکنده (Б_н66.19, B20.22) oḡunda «справа», اراسينده (Б_н63 5, B19 4, Г21а 20) arasinde «между», توبينده (A6 3, Б_н62.5, B19 7, Г21а 20) tübindä «на дне».

Различие в употреблении графемы ه (хай расмия) в списках проявляется в написании в ауслауте в наречиях и послесловах: в списке А превалирует написание { (алиф), а в сравниваемых списках - ه (хай расмия)

4. При исследовании функционировании графемы و (waw), которая передает звуки [o], [ö], [u], [ú], мы исходим из положения, что в языке

памятника еще не было сужения широких губных гласных [o]>[u]¹.

4.1 звук [o] полуширокий лабиальный гласный заднего ряда в начале слова передается сочетанием **او** (алиф+waw): **اوت** (A9.18, B_n72.21, B20a.21, Г21.4) от «огонь», **اوتلاماس** (A14.3, B_n67.20, B20.21, Г21.7) *otlamas* «не паслись». В списках Б_n, В и Г прослеживается вариативное написание местоимений *olar* ~ *alar* тогда, как в древнем сп. А всегда сохраняется архаичное написание *olar*: **اولار** (A6.5, 14.1, B_n62.18, B19a.26) *olarγa* ~ **الار** (B_n62.7) **الار** (B19.7) *alarγa* ~ «им», **اولارني** (A9.11, B19.7) *olarni* ~ **الارني** (B_n65.8, B19.7, B18a.25) *alarni* «их», **اولارينى** (Г21.3) *olarniγ* ~ **الارينى** (Г21.4) *alarniγ* «их».

В середине слова: **ايولغا** (A6.8, B_n62.20, B19a.13, Г25a.9) *joγa* «в путь», **قورقوتورسين** (Г25a.5, B_n73.11, B20a.13) *qorqutursin* «нычаешь».

4.2. звук [δ] полуширокий лабиальный гласный заднего ряда. Как и звук [δ], встречается только в абсолютном начале и в первом слоге слова. В анлауте: **اوزگا** (A16.13, B_n62.23, B19.12, Г22a.3) *δzγä* «иной», **اولкинچа** (A11.7, B_n72.3, B20.11) *δlkinčä* «до смерти»; в инлауте: **کورکوزکیل** (A16.15, Г25a.6) *körküzgil* «покажи», **سوزالюр** (A18.2, B19.13, Г25a.6, B_n62.2) *sözläjür* «беседуют»

4.3. звук [u] широкий лабиализованный гласный заднего ряда. В начале слова передается диграфом **او** (алиф + waw): **اورمانك** (A12.18, B20a.22, Г21.1, B_n68.18) *urman* «не ударьте», **اولوعراق** (A6.8, B19.6, Г25.23) *ulucraq* «древнее»; в середине слова: **توتغان** (A18.18, B_n72.13, B25a.1) *tutyγan* «схватил», **مونكلارينى** (A17.8) *muγlarimni* «мои страдания»; в конце слова: **ايغلابو** (B19a.22, B_n79.1, Г23a.4) *jγylaju* «плача», **قايوسى** (Г25a.8, B20a.3) *qajusı* «какой».

4.3. звук [ü] широкий лабиализованный гласный переднего ряда. В начале слова регулярно наблюдается в сочетании с **ا** (алиф): **اولدایурсин** (A11.17, Г25.14, B_n72.11) *üldäjürsin* «призываешь», **اولاشدى** (A15.9, B_n61.23, B18a.24, Г21a.10) *üläšdi* «разделил», в середине и в конце слова:

¹ Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV в «Гулистан» Сейфа Сарая и его язык. – А-Ата, 1975 – т. 2 – С. 34–62, Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык – М., 1987. – С. 42, Абдуллин И.А. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // МТД - 1974 – Вып. 3 – С. 175

کوندوز (A11.7, B_n301.7, B24.3) *kündüz* «днем», اذکو (A17.7, B_n63.17, Г23а.13, B25а.16) *äðgü* «святой».

5. Графема **ی** (йай) употребляется во всех позициях и передает звуки [e], [i], [ɨ]. По нашему мнению, в исследуемый нами период, переход [ä] – [e] – [i] еще не завершился и находился в стадии [ä] – [e], о чем свидетельствуют и труды В.В.Радлова, Э.Н.Наджиба, Ф.С.Хакимзянова, Ф.Ш.Нуриевой¹. Поэтому сочетание **ای** (алиф + йай) в абсолютном начале и в написании **ی** (йай) в первом слоге тюркских слов мы транскрибируем как [e]. Однако ряд общетюркских слов, в которых исконно корневой [i] в последующем сузился в редуцированный гласный среднего подъема [e] (эти слова приводятся в ДТС, ЭСТЯ и др.), мы транскрибируем через [i], так как считаем, что переход [i] > [e] в этих словах ко времени написания произведения еще не был завершен. В не первых слогах всех тюркских слов, звуки, графически переданные **ی** (йай), мы транскрибируем как [i], так как переходы [i] > [e] и [e] > [i] характерны только для первого слога слова². Заимствованные слова с **ی** (йай) в своем составе, транскрибируются согласно написанию на языке оригинала.

5.1. Звук [e] в начале слова: **ایرینکنی** (B_n64.20, B19а.16) *eriñni* «своего мужа», **ایمگاتمادی** (A16.9, B_n63.13, Г23.19) *emgätmädi* «не покалечил», в середине слов: **بیردی** (A17.6, B19а.18, Г25а.8) *berdi* «дал», **بیچه** (A16.15, B_n65.17, B23а.17) *peçä* «сколько».

В сп. А в иялауте **ی** (йай) регулярно не пишется, а в сп. B_n наблюдается полногласное написание с графемой **ی** (йай): **تینگیرکا** (B_n72.1) ~ **تنگیرکا** (A17.5) *teñizgä* «в море»; **سکیز** (B_n69.19) ~ **سکیز** (A19.10, B19.7, Г20.14) *sekiz* «восемь», **سنی** (B_n69.6) *seni* «тебя»; **کینکاشتیلر** (B_n63.7) ~ **کنکاشتیلر** (A7.1) *keñäštیلär* «посоветовались»; **کیستولر** (B_n62.3, A17.7) ~ **کستولر** (A16.21, B18а.26) *kestilär* «отрубили».

¹ Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен ч IV - СПб., 1896; Наджип Э.Н. Тюрко-язычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Саран и его язык В 2-х книгах. - Алма-Ата: Наука, 1975 - Кн 1. - 210 с.; Кн 2 - 301 с.; Хакимзянов Ф.С. О поволжском варианте среднеюркского литературного языка // Историко-лингвистический анализ старопышменских памятников. - Казань, 1983 - С 9; Нуриева Ф.Ш. «Нахдж-ал-Фаралис» Махмуда ал-Булгари - Казань: Изд-во «Фэн», 1999. - 208 с.

² Сравнительно-историческая грамматика тюркских слов Фонетка - М Наука, 1984 - С 122, Галилов Т. Фонетика уйгурского языка. - Алма-Ата, 1987. - 256 с.; Тумашева Д. Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. - М.: Наука, 1989. - С. 5 - 18.

5.2. Звук [i] в начале тюркских слов: ايليک (A10.10, Б_п69.19) *ilik* «раньше», ايجالينكو (A18.7, Б_п67.9) *ičäliŋ* «выпьем-ка», в заимствованиях: ايمان (A5.8, Б_п61.20, B18.23, Г19а.13) *iman* «вера», ايلاراج (A12.8, Б_п190.13) *iläwč* «пророк», в середине слова: بيزينك (A6.7, B19.9) *biziŋ* «наш», تيل (A16.12, Б_п70.15, B23.19) *til* «язык», в конце слова: اولانشتي (A13.23, Б_п61.23, B18а.24) *üläšti* «разделил», قويدوردي (A17.7, Б_п62.13, B18а.27) *qūjdürdi* «опалил». В словах اير-ار-кар наблюдается графическое колебание, несущее семантическую дифференциацию Написания اير и ار передают значение «мужчина», а написание اير – значение «воин»;

5.3. Звук [i] в начале слова: ايسيعي (A17.3, Б_п65.7, B22.13) *isiyi* «жар»; в середине и в конце слова: باليغچيغا (Б_п72.11, A17.3, Г19.3) *balıyçıya* «рыбаку», قيزينگني (Б_п69.21) *qızıŋni* «дочь твою», اسرادى (B20.19, Б_п67.3, A15.3) *asradı* «воспитал».

6 Анализ гласных фонем свидетельствует о том, что в языке исследуемого памятника соблюдается гармония гласных. В языке памятника губная гармония регулярно сохраняется в основе слов: اوتوز (A13.12, Б_п69.12, B20а.23) *otuz* «тридцать», توقوش (A13.7, Г21а7) *toquš* «бита»; в аффиксах лишения -سوز - -suz «без»: يولسوز (A7.15) *jolsuz* «беспутные»; родительного падежа -نونك - -nuŋ: اينكولونك (A11.9) *äđgüliknuŋ* «доброты», в словообразовательных аффиксах -луқ-лук: يوز اعلوك (A14.1, Б_п68.23) *jüz ewlük* «в сто домов», اوزون بويلوغ (A6.2) *uzun bojluc* «высокого роста»; в аффиксах прошедшего категорического времени 1 л ед. и мн. ч. -дum и -дук: كچوردوم *kičürdüm* «прощал»; كوركوزدوك *kürküzduk* «указали»; аффикс сказуемости -dur: الله بوردور *Alla birdur* «Аллах един»

Сравнения системы согласных фонем «Кысас ал-анбия» показало, что в языке исследуемого памятника употребляется 24 согласных звука, переданных арабо-персидскими буквами: [b] - ب; [p] - پ, پ; [t] - ت, ط; [d] - د; [g] - ج; [θ] - ذ; [z] - ز; [x] - ح, خ; [ç] - چ, ج; [š] - ش; [s] - س, س; [ɣ] - ع; [q] - ق; [r] - ر; [k] - ك; [g] - گ; [l] - ل; [m] - م; [n] - ن; [w] - و, و; [f] - ف; [h] - ه; [j] - ي; [ŋ] - نك.

2. Из фонетических закономерностей, характерных для системы согласных звуков рассматриваемого периода, в исследованных списках

обнаружились следующие: 2.1. в анлауте исконно тюркских слов чаще всего выступают согласные [b], [t], [s], [j], [č], [k], [q]. Графемы ب, ج, ك не дифференцированы (за исключением списка Б_n) и могут передавать звонкие и глухие согласные [b], [p], [ğ], [č], [g], [k]:

بورجى (A21.11, Б_n65.18, B18a 3, Г25.8) bōzčī «ткач»; قوبى (Б_n69.23, B18a.23, Г23.17) qorī «тронулся»;

قېمان (A18.10, Г23.1) qačan «когда»; جمالیس (A5.7, B18a.21) ğūmlāsīn «всех»; كوك دین (A19.9, B20a 13) kökdin «с неба»;

كوهر (A19 3, Б_n203.1) ğühār «жемчуг» Графемы ط (тый) и ص (дад) употребляются редко, а графемы ث (са), ص (сад), ه (ha) встречаются лишь в написании заимствованных слов. 2.2. Наблюдается регулярное сохранение [-ð-]: اودغاندى (A16 7, B20a 13) ođandī «проснулся»;

ادارگیل (A13 17, Г19a 4) ädärgil «следуй» Характерное для других тюркоязычных памятников средневековья вариативное написание с می (йай) не наблюдается Звук [w] передается тремя графемами و - ف - ق .

Написание ق зафиксировано в четырех словах: ew «дом», suw «вода», sewüñüb «обрадовавшись», jawiz «злой»: سوزن (A15 11, Г21 15, B19a 3) suwimiz «нашей воды»; يا قوز (A5.11) jawiz «злой»; سوزوب (A7.4) sewimib «обрадовавшись».

3 В интервокальной позиции всегда сохраняется написание глухого [-q-]: يارليقادی (A13 7, Б_n69.3, Г24a.4, B18a.19) jarliqadī «простил»; چيقارغیل (A5 7, Б_n64.7, Г23a 5) čiqarğıl «сотворил»; традиционных сочетаний

[-aγi]; [-oγu] в корневых морфемах: اغزینغا (A7 12, Б_n69.13, B21a.1, Г22a 7) aγiziniγä «в его рот», بوغون (A14.6, Б_n70 3, B19.17, Г21a 9) buγun «сустава» и увулярного [-γ] в ауслауте: قاتبع (A18.4, Г22a.20) qatıγ «твёрдый», ساریغ (A15 2, Б_n62.23, Г23a 13) sarıγ «желтый», قابوغ (A7.7, Б_n63 7, Г24.1) qarıγ «ворота»

Исследование графо-фонетических особенностей выявило, что в языке памятника сохраняется уйгурская традиция письма (в области гласных: переход [ä] - [e] - [i] еще не завершен, лабиальные гласные [o], [ö] и [u], [ü] на письме не различаются; в области согласных. сохранение традиционных сочетаний [-aγi], [-oγu]; увулярного [γ]).

Третья глава посвящена исследованию морфологического строя языка «Кысас ал-анбия» В ней анализируются характерные для языка

исследуемого произведения особенности грамматических форм. В данной главе исследование ведётся на материале двух списков: лондонского списка и печатного издания Н.И. Ильминского. Сравнительному морфологическому анализу нами были подвергнуты все знаменательные части речи: существительное, местоимение, прилагательное, числительное, глагол, наречие.

1. **Имя существительное** характеризуется грамматическими категориями числа, сказуемости, принадлежности, склонения.

1.2. Множественность выражается морфологическим (при помощи аффикса множественного числа *-lar*) и лексико-синтаксическим (по формуле: количественное числительное + существительное в форме един. ч.) способами.

1.3. Категория сказуемости передается традиционными аффиксами – *mîn/-mîn* (для 1 л. ед. ч.); *-sîn/-sîn* (для 2 л. ед. ч.); *turur* (для 3 л. ед. ч.); *-mîz/-mîz* (для 1 л. мн. ч.); *-sîz/-sîz* (для 2 л. мн. ч.); *turur-lar* (для 3 л. мн. ч.), из которых более частотна форма 3 л. ед.ч.

1.4. Принадлежность оформляется следующими аффиксами: *-(î/i)m* (для 1 л. ед. ч.); *-(î/i)ñ* (для 2 л. ед. ч.); *-sî/-sî* (для 3 л. ед. ч.); *-(î)mîz/-(î)mîz* (для 1 л. мн. ч.); *-(î)ñîz/-(î)ñîz* (для 2 л. мн. ч.), *-larî/-larî* (для 3 л. мн. ч.).

1.5. Имена существительные в «Кысас ал-анбия» употребляются в формах шести падежей. В диссертации на обширном иллюстративном материале рассмотрено функционирование каждого падежа. **Основной падеж** является наиболее многофункциональным. Слово в основном падеже может обозначать субъект действия, объект, на которое распространяется действие. В предложении является подлежащим, дополнением, а в изафетных конструкциях – определением. **Притяжательный падеж** (с формантами *-nîñ/-nîñ*, *-nîñ/-nîñ*) выражает притяжательные и определительные отношения. В именной и посессивно-именной парадигме наблюдается употребление кыпчакского типа. Огузский зафиксирован лишь в аффиксах личных местоимений 1 и 2 лица: *مېنىڭ كۈنلۈمدە* *meniñ küñlümde* «в душе моей», *سېزنىڭ سۆزۈڭۈز* *siziñ sözüñüz* «ваше слово». **Направительный падеж** в именной парадигме выражается формантами *-qa/-kä*, *-ya/-gä*. Прослеживается несоблюдение закона ассимиляции согласных, когда к основам со звонким

согласным присоединяется аффикс с глухим согласным. В списке памятника посессивно-именная парадигма 3-го лица имеет три варианта: *-inya*; *-ya*; *-ña* с явным преобладанием формы *-inya*: *piçaqni boyuzinya ordı* «ударил ножом по горлу»; *bu sözlär Misirda uluyar xatunıya mäshür boldı* «эти слова стали известны женам знати Египта». Варьирование этих двух падежных типов можно наблюдать в пределах одного предложения: *qarya saldurdı qajsiniñ atına cıqsa anı qorban qılur boldı ʿabdulla atinya cıqtı* «бросил жеребий - чье имя выйдет, того и принесу в жертву, - вышло имя Габдуллы». Направительный падеж в предложении представляется формой косвенного дополнения и обстоятельственного дополнения цели, причины, места, времени. **Винительный падеж** имеет форманты *-ni/-ni*, а в посессивно-именной парадигме 3 лица *-in/-in*, реже *-ini/-ini*: *burnun qulayın keskäli mäjl qıldı* «захотела отрезать ее нос и уши»; *Ibrahim oylını quctı* «Ибрагим обнял сына». В предложении существительные в винительном падеже являются прямым дополнением. Именная парадигма **исходного падежа** в списках оформляется узкими гласными и имеет формант *-din/-din*. Посессивно-именная парадигма может оформляться как со вставочным *-n-*, так и без него: *ʿabhār zindanıdın qurtuldım* «спасся из темницы Габхара»; *uğtax nigmätidin ajrılıb* (Б10 13) «расставшись с благами рая». Слово в исходном падеже может указывать на исходную среду, исходный пункт во времени и в пространстве, на причинно-следственные взаимосвязи, обозначать сравниваемый объект. **Местно-временной падеж** в именной парадигме представлен аффиксами *-da/-dä*, употребление которого не зависит от качества ауслатного согласного: *bu kün şarıyatdä er bähäsi jüs tewä turur* «с того дня цена мужчины по шариату - сто верблюдов»; *piçaqda Mouli Täyalä atı* «на ноже [написано] имя Всевышнего». Существительное в местно-временном падеже в предложении выступает в качестве обстоятельственного дополнения места и времени, косвенного дополнения. Зафиксированы случаи, когда существительное в местно-временном падеже указывает на исходный пункт во времени или на объект – лицо, предмет, который исполняет действие: *qırıq jıl Salıxda kâzın Ibrahim räyambäryä ukrü räyambär joq erdi* «40 лет от Салиха и до пророка Ибрагима не было пророков»; *yalimälärdä biri ajtur* «кто-то из знающих

скажет». Данное обстоятельство объясняется литературно-языковой традицией, способствовавшей консервации архаичных черт¹.

2. В языке памятника зафиксированы все разряды **местоимений**. Сравнение с печатными изданиями выявило, что в языке рукописи сохранено наибольшее количество архаичных форм, которые в печатных изданиях не зафиксированы. Употребление **личных** местоимений в списках идентично. Личное местоимение *biz*, которое выражает общность говорящего и слушающего, в тексте памятника может употребляться в стилистических целях в составе речевых формул мусульманской риторики: *biz munluylarnı* (Б2 9) «нас страждущих»; *biz zäyiflärgü* (Б2 7) «нам заблудшим». Архаичные формы **указательных** местоимений-синонимов *oş*, *oşbu*, *oşal* отличаются большой экспрессивностью, на что указал А.Кононов². Указательное местоимение *ol* «то, тот» в сочетании со словом *sayat* «время, час» передает значение быстроты действия. Для придания большей эмоциональности словам говорящего указательное *ol* сочетается со словом *kim*: *äj ata menim üç wasiatım bar turur biri ol kim meniñ elkım adaqımñı boraq baylayıñ* «о отец, есть у меня три желания: первое – это крепко свяжи мои руки и ноги». Из архаичных форм **вопросительных** местоимений в языке произведения зафиксированы *qandın*, *qidın* «откуда», *qanča* «куда», *nälük* «почему», *nätäk* «как, какой», *qanı* «где». Вопросительное местоимение *ni* «какой» в препозитиве перед прилагательным служит для усиления данного качества предмета: *ni körüklük ol jüzün* «насколько [ж] красиво твоё лицо». В тексте памятника зафиксированы **возвратные** местоимения *öz* «свой» и реже *kändü* в значениях «свой, сам». **Обобщающие** местоимения представлены формами *qatıu*, *barça*, *tigmä*, из которых *qatıu* наиболее частотно. А в печатном издании наибольшее число обобщающих местоимений образовано путем присоединения персидского местоимения *här* к тюркским вопросительным местоимениям *kim*, *nä*, *ni*, *nirsä*, *bir*, *qajsı*. **Из неопределённых местоимений**

¹ В некоторых диалектах и говорах татарского языка и поныне бытуют факты смешения этих падежей. См об этом: Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении – М · Наука, 1986. – С. 78.

² Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка – М – Л Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с

встречаются только *kim ersä* «кто-либо», *bir nersä* «что-либо», заимствованное *bäyzi* «некоторые».

3. В языке произведения обнаружены следующие семантические группы **имен прилагательных**: характеризующие качество характера и умственного склада, передающие физическое состояние, обозначающие цветовой, вкусовой признаки. Наибольшей полисемантической областью обладают прилагательные *ulug* (в значении «большой, старший, святой, великий, величественный», а при субстантивировании - «знать, вельможи, правящие, вождь»), и *arig* (в прямом значении «чистый, новый, красивый, прекрасный», а в переносном - «святой, праведный»). **Сравнительная степень прилагательных** образуется морфологическим (при помощи аффикса **-raq/-räk**): *könülsüzräk bolub çiqti* «вышел более грустным»; и морфолого-синтаксическим путем (объект сравнения в исходном падеже и прилагательное в сравнительной степени или без **-raq**): *qatıy miwälärđin fazıl qıldi* «создал совершеннее, чем все фрукты». В сравниваемых списках более употребителен второй способ образования. **Превосходная степень** образуется при помощи усилительных слов *jawlaq* «очень, совсем», *bisijar*, *biyäjät* «очень, весьма». Отметим, что использование данных лексем при образовании превосходной степени не зафиксировано в средневековых памятниках, написанных после «Кысас ал-анбия».

Несмотря на незначительное количество, прилагательные умело используются автором для придания тексту эмоциональной окраски, что достигается использованием синонимичных и антонимичных пар прилагательных: *oylum öldi uşaq oylanlari qaldı qalaşmın tağı qarı hatunmın* «умер мой сын и остались его маленькие дети, [a] я беспомощная и старая женщина». В тексте памятника прилагательные активно субстантивируются: *Yajsä ajdı ölüklärni tirküzürmın közsizlärni közlük qılurmın xastalarnı jaxşı qılurmın* «Гайса сказал: оживлю мертвых, слепых сделаю зрячими, больных сделаю здоровыми».

4. **Имя числительное**. Все **количественные** числительные - общепюрксские.

В списках обнаруживаются архаичные формы: 1) *-inč/-inč, -unč/-ünč*, образующие порядковые числительные: *ایکینچ* *ekinč* «второй», *اوچونچ* *üčünč* «третий», *اونونچ* *onunč* «десятый»; 2) *-lası, -äwläñ*, образующие собирательные числительные: *ekiläsi däbix turur* «оба были принесены в жертву»; *Fulas Şamgun Jaxja üčiläsi tişqarı çiqtilar* «Фулас, Шамгун и Яхья, втроем вышли наружу»; *Äbübäkr birlä Misrä ekäwläñ ani ešitmädilär* «Абубакр и Мисра вдвоем его не услышали»; *emdi üčäwläñ bolsañız goj bolursız* «теперь, когда вас стало трое, будете сильными»

В диссертации отдельно рассмотрена система нумеративов, функционирующая в языке «Кысас ал-анбия». Было выявлено, что для обозначения повторяемости процессов в тексте используются слова *jol, kärrät, näübät, qitla, qurk*, передающие значение «раз»; для обозначения количества жидкостей – нумеративы *qaträ* «капля», *qašiq* «ложка», *töüğä* «волна»; для измерения сыпучих веществ употребляются слова *batman* «мера веса, батман», *xarwar* «мера веса около 20 пудов»; *tewä jüki* «верблюжий тюк»; для исчисления абстрактных вещей *ülüş* «часть»; для обозначения пространственных измерений используются нумеративы: *qat* «уровень, этаж, ряд», *qarı* «кари» (соответствует 150 см), *jıyaç* «йыгач» (около семи километров), *mänzil* «путь одного дня»; для обозначения количества денег – используются денежные единицы *altın* «золотой», *jarmaı* «монета»; для измерения времени: *jıl* «год», *aj* «месяц», *kün* «день», *säyat* «час».

5. Глагол в языке памятника представлен богатым набором временных форм. 5.1. В изъявительном наклонении базисную структуру составляют следующие формы: а) прошедшее время в языке памятника представлено формами: *-di/-di; -miş/-miş; -yan/-gän*; аналитическими – *ı erdi; - jur/-jür erdi; -ib erdi; -miş/-miş erdi; -yaj/-gäj erdi*.

Форма на *-di* создает в языке «Кысас ал-анбия» общий фон повествования. Отличительной особенностью языка памятника является сохранение традиционного написания в огубленном варианте аффиксов *-dum* и *-duk* для 1 л.ед.ч. и 1 л.м.ч.: *buldum* «встретил», *bilür erdük* «знали». Форма на *-miş* указывает на результат совершившегося действия: *jüzläri sarıarmiş* «лица пожелтели». В языке памятника встречается конструкция *-miş bar*, выражающая риторический вопрос: *qaju ata oylını qorban qılmış bar*

«какой отец приносил сына в жертву?»); форма прошедшего времени на –*yaп*: *bi keramät qajdan bolуan dedi* «откуда явилось это чудо». Из единичного потребления формы на –*yaп* можно полагать, что употребление кыпчакской формы прошедшего на –*yaп* в языке памятника “Кысас ал-анбия” свидетельствует о том, что она начала проникать в литературный язык именно в этот период. Из аналитических форм наиболее частотна форма –*г erdi*, обозначающая повторяющееся длительное действие в прошлом: *jilqi qojlari bi tewadin qorqub urkar erdilär otlamas erdilär* «но жеребята и овцы боялись этой верблюдицы и не паслись [с ней]». Основное значение второй по частотности формы –*mış erdi* – указание на время совершения действия: *anamdin ajrilmış erdim atamdın hām ajrıldım* «был разлучён с матерью, теперь разлучили и с отцом». Менее частотна аналитическая форма –*ib erdi*, передающая значение давнопрошедшего результативного времени: *bolуan ğanwarlar ücün jүйb erdim* «[я] собрал эти яства для всех животных»;

б) настоящее время представлено формами: на гласный + *г*, на –*jur/* –*jür*, деепричастная форма на –*a/ä, -u/ü* + *turur, -ib + turur*. Форма на – гласный + *г* в группе времен сферы настоящего является наиболее частотной и чаще выступает в значении настоящего конкретного или настоящего длительного, повторяющегося времени: *körär kim it birlä tawıq sözläşür* «он (хозяин) видит: разговаривают петух с собакой». В синонимичном данной форме значении выступает и форма на –*jur/-jür*. В тексте встречается параллельное употребление данных форм: *äj oylum seni tüşümdä höyuzlajur körärmin* «сын, я вижу во сне, как я закалываю тебя в жертву». Форма – *a/-u + turur* зафиксирована в тексте лишь в форме 3-его лица: *bir yaziz dostum bar bi oylumi tiläju turur* «есть у меня уважаемый друг, он желает [видеть] этого сына»;

в) будущее время представлено формами на –*yaј/-gäj* и гласный + *г*, а будущее категорическое передается формой на –*yusi* и –*yusi turur*. Форма на –*yaј* является наиболее частотной при передаче будущего времени: *jeti jil kelgäј kökdin jaytur jaytaуaj* «придут семь лет, с неба дождь не прольётся». В тюркологии неоднократно отмечалась многофункциональность формы на –*yaј/-gäj*. Данная форма в языке «Кысас ал-анбия» выступает в качестве одного из основных средств выражения будущего времени изъявительного

наклонения, хотя нередко встречаются случаи, где она употребляется для выражения желания, просьбы, намерения (*hič kim qarındaşını satmayaj «пусть никто не продаёт своих братьев»*), что особенно характерно для старотатарского литературного языка последующих периодов. Особенностью языка произведения является более частое употребление формы на – гласный + г в форме отрицания: *biz bu tewäni öltürmäkinčä mundin qurtulmasbız «пока не уьем этого верблюда, от него не избавимся»*.

Формы будущего времени на –*yusı*, –*yusı turur*, –*yu turur* передают действие, которое совершается независимо от воли говорящего или осуществление которого не вызывает сомнения: *bu Isxaq aıtıy oylunđın miñ iläwč bulıyusı «от твоего сына по имени Исхак произойдёт тысяча пророков»*.

Эти перечисленные временные формы являются основной структурой ткани памятника «Кысас ал-анбия».

5.2. В языке памятника «Кысас ал-анбия» **желательное** наклонение имеет формы для 1 л.ед.ч. –*ajın/-ajın*, –*ajım*: *meña дәstür bergil barajın ıalām içində bir äđgü qıl tiläjin «дай мне разрешение: пойду-ка я по свету, желаю [встретить] святого человека*; для 1 л.мн.ч. – *alıñ/-alıñ*, –*alıñ/-alıñ*, –*älik*: *munı bir ewqä salalıñ balcıq birlä sualıñ xuräk bertälin «занрём-ка его в доме, а дом обмажем землей, не дадим есть»* Из форм с желательной семантикой менее употреблены формы на –*ajım* (для 1 л.ед.ч.) и –*alıñ*, –*älik* (для 1 л.мн.ч.).

Следует отметить, что формы желательного наклонения в тексте памятника могут выражать и значение будущего времени: *bđri jęđän Jusufni qajđın ıabalıñ «откуда найдем Йусуфа, съеденного волками»*.

5.3. **Повелительное** наклонение в тексте памятника оформлено аффиксами –*ııl/-gil*, которые являются наиболее активными для 2 л.ед.ч.: *aj ata ni bujurıduñ ersä qılıñ kiçiktägil «отец, что было велено [тебе] сделай, не откладывай»*; реже употребляется безаффиксальный способ передачи значения повеления во 2 л. ед.ч.: *tüšümni jurayan jigiti meña kelür «приведи ко мне юношу, истолковавшего мой сон»* При передаче повелительного значения во 2 л.мн.ч. более частотны формы на –*ıñ/-ıñ* и их губные варианты: *atalarıñız analarıñız joluñı qojıñ menıñ jolıtı kirıñ «оставьте дороги своих родителей и идите по моей»; формы на –*ıñız/-ıñız*, –*uñuz/-uñuz* менее употребительны:*

özləriñizni Äjub oylanläri bolub körküñün «предстаньте перед ней сыновьями Аюба».

Прослеживается четкая дифференциация в употреблении аффиксов 3 л. –**sun**, который употребляется для передачи только единственного числа: *bizñi eläkimizdä bütäläsün* «пусть отелится перед нами», и –**sunlar**, употребляемый для передачи только множественного числа: *qatıy xalayıqlar yüibrät alsunlar* «пусть весь народ получит урок».

4. Условное наклонение представлено общетюркской формой на –**sa/-sä**: *Täjri suw bersä oylumni qorban qılyajmın* «если Всевышний пошлёт воду, одного сына принесу в жертву».

Форма на –**sa** встречается и в повторных основах: первая из которых выступает в условной форме, вторая – в форме других наклонений или времен. Подобные конструкции выражают действие, совершение которого безразлично для говорящего: *ijäm ölsä öldäk anıñ üçün kim hıç yajrätı joq turur* «хозяин мой если [суждено] так пусть умрёт, так как сил у него нисколько нет».

В языке произведения зафиксированы разнообразные аналитические формы условного наклонения: –**dı ersä**, –**sa erdı**, –**r bolsa**, –**mış bolsa**, из которых наиболее активна форма –**dı ersä**. Особенностью данной формы является то, что наряду с обозначением условности, она может передавать значение времени: *yaqlıya keldi ersä oylını tirik kórdı* «когда пришел в себя, увидел сына живым» Форма –**sa erdı** выражает неосуществимое желание, относящееся к прошлому: *men täqi Lotni körsäm erdı köñlüm tulanur erdı* «если бы еще раз увидела Лута, душа моя умиротворилась бы». Форма –**r bolsa** передает значение условия, относящегося к будущему (*küzünüz jüzümigä tutsar bolsa atalıq şafaqatı täbräşib* «если взгляд ваш упадёт на мое лицо, всколыхнётся отцовское милосердие»), а форма –**mış bolsa** – к прошедшему времени (*İbnjämın ölmış bolsa tirküzgäj erdim* «если бы Ибнйамин был мёртв, то воскресил бы его»).

6 Особое внимание в диссертации уделяется **неличным формам глагола**: причастиям, деепричастиям, глагольным именам.

6.1. **Причастия прошедшего времени**, представлены формами на – **yan/-gän** (*ol topraydın jaratıyan kökkä çıqqan uğtax içrä kirgän Adám saftı*

«сотворенный из земли, побывавший на небесах, вошедший в рай Адам») и -mīš/-mīš (*taralmīš quşlar jüyüldi* «разлетевшиеся птицы вернулись») Из двух форм более активна форма на -уап. Следует отметить, что в тексте памятника причастия на -уап и -mīš могут передавать значение имени действия и в этих случаях констатировать действие, относящееся к прошлому: *bir birigä wäydä qılıyanlärin jäşürmädilär* «не скрывали, что дали обещание друг другу»; *bir jat kişi birlä sözläşkänim joq* «никогда не разговаривала с незнакомым человеком»

Особенностью языка является передача формой причастия на -mīšda значения процесса, по завершении которого произойдет действие, выраженное сказуемым главного предложения: *Ğabrail bişarät bermişda jeti kündin soñ Sara soñıkında Isxaq bilkürdi* «по прошествии семи дней после принесения Джабраилем знамения, в утробе Сары зародился Исхак»; *Ibrahim tüş körmişdä ajdılar* «когда Ибрагим видел сон, ему сказали». Причастие настоящего времени в языке памятника передается формой на гласный + г: *tewänin kelür jolında rusub olturdılar* «спрятались у дороги, по которой ходит верблюдица» Причастие на -г может передавать и значение имени действия. Данная форма, присоединяя аффикс местно-временного падежа -da, выступает в функции сказуемого придаточного времени и выражает действие, передающее время совершения другого действия, выраженного сказуемым главного предложения: *pişaqni tartarda Ismäyil küldi* «когда потянули ножом, Исмагил улыбнулся»; *bir kün hämr içib oltururda sümäkniñ jilikin sorarda buyaziya sümäk ilindi* «однажды, когда султан сидел трапезничая, и грыз кость, в горле застряла косточка» Причастие будущего времени передается формой на -уи/-гü и встречается sporadически: *dunjadin baru waqtıya tikri hädmätdä erdi* «служило до времени ухода из этого мира» В списках причастия на -уи при присоединении аффикса -č могут субстантивироваться и в этих случаях обозначать действующее лицо: *jer jüzidä lä Alla Illallahı teküci qalmaqđ* «на земле не осталось прославляющих Всевышнего» Огузская форма причастия на -duk встречается редко: *kürdükiñni bizgä xəbär qılıñ* «все, что [ты] увидишь, передай нам»

6.2. В языке исследуемого памятника зафиксированы следующие формы деепричастий: на -a/-ä, -u/-jü, -ib/-ib, -yića/-yınça, -yañi/-gäli. Деепричастие на -a/-ä, -u/-ü относится к наиболее древним

деепричастиям и является самым частотным в списках: *enrāju kóz jáši kójül kójnūki berlä Ismäyilni kündürü çiqti* «плача горькими слезами, с болью в сердце вышла, провожая Исмагиля». Деепричастие на *-yıça/-yınça*, которое в списках произведения имеет фонетические варианты: *-yıça*, *-yınça*, *-gıncä*, *-kinçä*, выражает временной предел, до которого совершается действие следующего глагола: *olarıya tab bolıyıça qatıy botlarya tabınur erdilär* «до встречи с ним, все поклонялись идолам». Деепричастие на *-yalı/-gäli* выражает значение цели совершения действия: *Jusufni kōrgäli keldilər* «пришли взглянуть на Йусуфа»

6.3. Глагольное имя на *-mak/-mäk* обозначает действие, состояние, процесс. В списках форма на *-mak* может выступать как: а) имя действия при оформлении падежными аффиксами (*oşbu ketmäkidin ölmäkinni tilär ersäy... «если своим уходом желаешь моей смерти...»*; б) инфинитив (*sendin aйтmak mendin eđütirtmäk «ты [должен] говорить, а я заставляю [их] услышать»*).

7 Наречия представлены в тексте памятника в небольшом количестве. Однако, они имеют высокую активность. Отмечается тот факт, что многие наречия образуются путем адвербаллизации падежных форм имени: направительной (на *-rı/-rü*): *içrä «внутри», otru «напротив»*; дательно-направительной (на *-qaru/-kärü*): *içkärü/içkäri «внутри», tişqaru/tişqari «наружу», «снаружи», ilgärü «спереди», «впереди»*; местной (на *-da/-dä, -ta/-tä*): *ançada «затем», sıñıda «затем», «после», olzamanada «в то время*. Инструментальный падеж *-in* зафиксирован в образовании наречий времени *sinüñ «позже, после»* и места *astün «снизу, внизу», üstün «вверху, сверху», jaqın «вблизи»*. В списках памятника наиболее активен аффикс *-ça/-çä*, образующий наречия способа действия, предела действия во времени, степени и меры действия, наречия сравнения: *köz jümüb açyunça üç miñ jülliq sıratdin keçär «не успеешь моргнуть глазом, перейдет мост в три тысячи лет»*. Менее продуктивны – аффиксы *-la, -laju*.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы диссертации.

1. «Кысас ал-анбия» Н.Рабгузи является письменным памятником, представляющим большую культурно-историческую ценность для истории татарского литературного языка. Его особая значимость связана с тем, что он

создан в период присоединения территории Северного Хорезма к Золотой Орде. Язык памятника «Кысас ал-анбия», который сохраняет традиции предшествовавшего караханидско-уйгурского литературного языка, приобретает новые черты уже в огузско-кыпчакской этнической среде. Это обстоятельство нашло непосредственное выражение в графо-фонетических и морфологических особенностях «Кысас ал-анбия».

2. Сравнение списков «Кысас ал-анбия» с точки зрения их принадлежности к определенной орфографической школе письма показало смешение арабской и уйгурской типов письма с преобладанием караханидско-уйгурских традиций.

В языке памятника еще не было сужения широких губных гласных и графема (waw) передает звуки [o], [ɔ], [u], [ú], а переход [ä] ~ [e] – [i] еще не завершился и находился в стадии [ä] – [ē]; как орфографическая традиция сохранение огубленного варианта аффиксов; 2) в области согласных прослеживается сохранение традиционных черт уйгурского литературного языка: глухого [-q-] в интервокальной позиции, сочетаний [ayí-], [-oɣu-] на корневых морфемах (boɣup «сустав», ayíg «тяжелый») и увулярного [-ɣ] в ауслауте; не зафиксированы также и чередования [ɣ] ~ [w]~[j] и [ð]~[d]~[j], присущие кыпчакским языкам.

3. Тщательный морфологический анализ списков дает основание утверждать, что язык памятника довольно архаичный. Он является образцом языка переходного периода. Язык памятника можно назвать уйгуро-кыпчакским, так как в нем выявлено большое количество древнеуйгурских и кыпчакских языковых элементов. В частности, именное падежное склонение – кыпчакское, а possessивно-именное склонение – уйгуро-кыпчакское, а также в глагольной системе преобладают древние общетюркские формы.

4. Сравнительное изучение списков показало, что лондонский список А и печатное издание И.Ильминского в основном идентичны. Однако, в списке А сохранилось большее количество архаичных форм, а в печатном издании И.Ильминского наблюдаются обновления и инновации, носящие карлукский характер и незафиксированные в других списках памятника.

«Кысас ал-анбия» Н.Рабгузи является одним из первых крупных художественных произведений прозы в тюркской литературе средневековья.

Оно стало истоком татарской прозы, и все прозаические произведения, созданные после него, испытали его плодотворное влияние. Произведение Рабгузи со времени своего создания было и остается памятником, неразрывно связанным со всем ходом истории развития татарской литературы вплоть до наших дней.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Из истории изучения памятника тюркской письменности XIV века «Кысас ал-анбия» // Языковые уровни и их анализ. – Казань: Изд-во ТГГИ, 1999. – С. 57 – 62.

2. Имена собственные в памятнике тюркской письменности «Кысас ал-анбия» Рабгузи // Общественное развитие и гуманитарные науки. – Казань: Изд-во ТГГИ, 1999. – С. 64 – 69.

3. Лингво-текстологические исследования «Кысас ал-анбия» Рабгузи // Материалы итоговой научно-практической конференции. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2000. – С. 34 – 36.

4. Категория падежа в памятнике тюркской письменности XIV века «Кысас ал-анбия» Рабгузи // Языковые уровни и их анализ. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2000. – С. 73 – 90.

5. Опыт исследования религиозно-мифологической лексики тюркоязычного памятника «Кысас ал-анбия» Рабгузи // Тел, әдәбият һәм халык ижаты мәсьәләләре. – Казан: Фикер, 2000. – С. 35 – 39.

6. Художественно-изобразительные средства «Кысас ал-анбия» Рабгузи // Татар теле, әдәбияты, тарихы – үткәнә һәм бүгенгесе. – Казан: Изд-во КГУ, 2000. – С. 272 – 280

7. XIV гасыр язма ядкаре Рабгузиньң «Кысас ал-анбия» өсәрендә синонимнар (Синонимы в письменном памятнике XIV века «Кысас ал-анбия» Рабгузи) // Фән һәм тел - № 1. - 2000. – С. 47 – 49.

8. Употребление местоимений в языке тюркоязычного памятника XIV в. «Кысас ал-анбия» Рабгузи // Материалы итоговой научно-практической конференции, 2000 г. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. – С. 47 – 49.

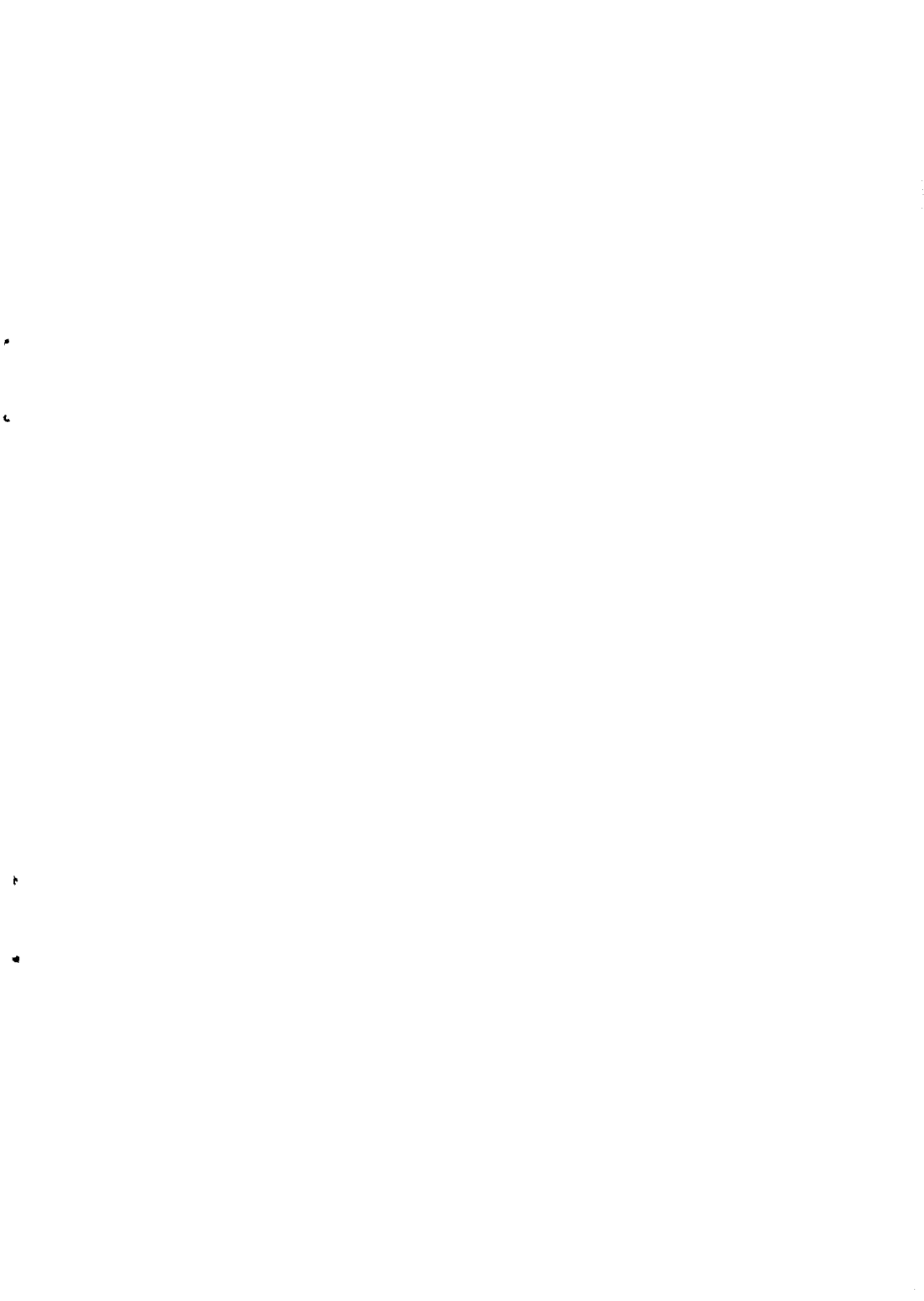
9. Система нумеративов в памятнике XIV в. «Кысас ал-анбия» Рабгузи // Материалы итоговой научно-практической конференции, 2000 г. – Казань: Изд-во КГУ, 2001. – С. 128 – 132.

А. Рабгузи.

Подписано к печати 21.03.2002
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Формат 80x108_{1/16}. Усл. печ. л. 1,75
Уч.- изд. л. 2. Печать ризографическая.
Тираж 100 экз. Заказ 09.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО "Олитех"
420015, г. Казань, ул. Толстого, 15 (3-е здание КАИ, подвал)
тел. 36-11-71
Лицензия №0139 от 15.10.98г.
выданная министерством информации
и печати Республики Татарстан

РНБ Русский фонд

2006-4

25987

09 АПР 2002